

металлургия тенденции

Фантом Удокана

проект

Наблюдательный совет Внешэкономбанка (ВЭБ) одобрил выделение кредита на подготовку к освоению Удоканского медного месторождения. ВЭБ готов предоставить оператору проекта Байкальской горной компании (БГК) до \$300 млн на срок до трех лет. Эти параметры могли бы показаться внушительными, если бы речь не шла об одном из самых долгоиграющих отечественных проектов, стоимость реализации которого оценивается на порядок дороже.

● Совокупные ресурсы Удокана оцениваются примерно в 26 млн тонн меди — это треть по величине неосвоенное медное месторождение в мире после монгольского Оюу-Толгой (36,7 млн тонн меди) и Pebble (Аляска, 36,5 млн тонн меди). Замыкая первую тройку по объемам, по старшинству Удокан безоговорочно лидирует. Оюу-Толгой (отгрузка медно-золотого концентрата с которого может начаться уже в первой половине будущего года) и Pebble были доразведаны до нынешнего статуса гигантских только в начале 2000-х годов, тогда как наша страна гордилась запасами Удокана еще при Хрущеве. Но именно запасами, а не извлеченной из недр медью.

Неприкосновенный запас

Если верить советской прессе, то коллеги первооткрывательницы Удокана, геолога Елизаветы Буровой, над ней подшучивали: ты бы, мол, его еще на Луне открыла. Этот район на севере Забайкалья и сегодня не является легкодоступным, а уж в 1949 году, когда партия Буровой обнаружила там гигантское скопление медистых песчаников, добраться туда было лишь немногим проще, чем до какого-нибудь лунного кратера. Транспортный вопрос внос-

ледию отчасти решила Байкало-Амурская магистраль — собственно, своей уходящей на север траекторией она обязана именно Удокану. Однако даже это не обеспечило революционного прорыва в деле освоения «медной горы». Нынешняя попытка разработки Удокана, предпринимаемая Байкальской горной компанией (БГК) «Металлоинвеста» Алишера Усманова — четвертая, а то и пятая с момента открытия месторождения. И уже сейчас очевидно, что, несмотря на все научно-технические достижения минувших 60 лет, намного проще эта задача не стала.

Проектная документация на Удокан разрабатывалась с 1960-х годов, — напоминает руководитель направления развития горных работ российского подразделения международной горно-консалтинговой группы IMC Montan Андрей Твердов. — Ко времени развала Советского Союза все, по сути, было готово к началу реализации проекта. Другое дело, что у СССР была альтернатива в виде гораздо более простых в обработке запасов меди, в том числе в Казахстане и Узбекистане, поэтому к освоению этого крайне удаленного и сложного с точки зрения инфраструктуры месторождения так и не приступили.

После отделения бывших союзных республик вопрос осе-

1967 год: вертолет доставил изыскателей отрогов Удоканского хребта. Нынешняя попытка разработки одного из крупнейших в мире медных месторождений, предпринимаемая Байкальской горной компанией, — четвертая, а то и пятая с момента открытия

ФОТО РИА НОВОСТИ

чественной сырьевой базы обрел актуальность, однако при этом не менее остро встал второй — финансовый. Первый тендер на право разработки месторождения был объявлен еще в 1992 году. Победителем стало малоизвестное российско-американское СП — Удоканская горная компания. К 1995 году по заказу УГК Minproc и консорциум институтов «Гипроцветмет» и «Механобр» выполнили технико-экономическое обоснование (ТЭО) разработки месторождения. Впрочем, в 1998 году УГК лицензия лишилась, и на пять лет право на доизучение месторождения лет получила Забайкальская горная компания (ЗГК) — совместное детище правительства Москвы,

администрации Читинской области, Восточно-Сибирской и Забайкальской железных дорог и ОАО «Баминвест». ЗГК дошла до полупромышленных металлургических испытаний образцов удоканской руды. И, наконец, в очередном конкурсе на лицензию, в 2008 году победил Михайловский ГОК «Металлоинвеста», вскоре создавший БГК для работ по проекту. Партнером победителя стала госкорпорация «Ростехнологии». Лицензия, выигранная на заре кризиса, обошлась «Металлоинвесту» в 15 млрд руб. На месторождение всерьез претендовал также консорциум РЖД и УГМК. «Норникель», SMR Олега Дерипаски и ОНЭКСИМ Михаила Прохорова один за другим отказались от борьбы, главным образом по экономическим соображениям.

Масштабная экономика
Актуальный план освоения Удокана подразумевает создание на месте полного цикла производства катодной меди — 474 тыс. тонн в год после выхода на проектную мощность.

Для этого необходимо будет ежегодно перерабатывать 36 млн тонн руды (советский проект предполагал еще больше — порядка 50 млн тонн). Беспрецедентные масштабы обусловлены экономикой: при меньших объемах производства проект не окупается. «Добыча в таких масштабах имеет свои риски и сложности, — говорит Андрей Твердов. — В частности, уже на первоначальном этапе компании придется использовать высокопроизводительную технику, которая и дороже, и сложнее в монтаже, особенно на местном рельефе. К тому же, если крупнейший на сегодняшний день карьер Лебединского ГОКа уступится со скоростью 5–10 м, то на Удокане этот показатель ожидается на уровне 35–50 м. Это влечет за собой необходимость гораздо более частого перемонтажа техники и осложняет вывоз горной массы. В принципе в мире есть и более крупные карьеры, но все они развивались естественным путем, наращивая добычу на протяжении многих десятилетий отработки. Так что с точки зрения ожидаемой динамики развития аналогов Удокану пока нет».

Собственно, именно поэтому в советское время Удоканом вплотную занимался Минсредмаш СССР — ведомственные проектные институты всерьез прорабатывали возможность одновременного вскрытия месторождения «чистым» термоядерным взрывом мегатонного класса.

Однако беспрецедентные объемы добычи — это от силы половина удоканских бед, так как месторождение уникально по своему строению, и отработанный технологии промышленного извлечения меди из подобного сырья просто не существует. С учетом специфики региона (а он помимо сейсмической опасности и экстремально высоких температур характеризуется еще и частыми штормами) переработку руды предполагает осуществлять новым для России, хотя и довольно распространенным в мире, гидрометаллургическим способом.

По предварительным оценкам компании, в целом для освоения Удокана потребуется порядка 20 тыс. человек, включая строителей и вспомогательный персонал. По состоянию на 2010 год во всех девяти населенных пунктах Каларского района, где расположено месторождение, проживало около 9,6 тыс. человек. БГК намерена, в частности, привлекать к проекту специалистов с действующих производств «Металлоинвеста».

БГК предстоит решить и ряд других, менее специфических вопросов: начиная от энергообеспечения (соглашение с ФСК о присоединении к сетям установок на 450 МВт мощности заключено, но с развитием промышленности региону через несколько лет грозит энергоде-

фицит) и заканчивая финансированием (общая стоимость реализации проекта с инфраструктурой оценивается минимум в \$6–8 млрд). Согласно написанному еще до кризиса условиям лицензионного соглашения сделать это все надо было еще вчера, с тем чтобы вывести первую очередь предприятия на переработку 12 млн тонн руды к 2014 году. Однако сложность проекта диктует свои условия, и в реальности этот срок сдвинется на два-три года. Компания в середине 2012 года приступает к полномасштабной подготовке проектной документации и банковского ТЭО. На это уйдет не менее года, еще больше времени займут изготовление, доставка и монтаж предусмотренного этой документацией оборудования.

Государственная мотивация

Но самое главное, что решение всех поставленных Удоканом перед БГК задач будет иметь смысл только в случае долгосрочного сохранения благоприятной ценовой конъюнктуры на рынке меди, чего гарантировать никто не может. Сейчас цены остаются заметно выше \$7 тыс. за тонну на фоне дефицита металла, но уже к концу 2013 года нехватка сократится до минимума за счет запуска новых и расширения имеющихся проектов, указывают аналитики UBS. В последующие годы также ожидается запуск ряда месторождений, так что в условиях неопределенности спроса удоканской меди грозит серьезная конкуренция, что влечет на интерес инвесторов к этому долгосрочному и рискованному начинанию.

В то же время со стороны предложения повсеместно наблюдаются снижение содержания меди в руде (по разным оценкам, за последние пять-десять лет оно сократилось с 1% до 0,7%), перенос проектов в регионы с высокими рисками их затягивания и удорожания, а также операционные трудности, связанные с забастовками, проблемами с поставкой электроэнергии и оборудования, указывают специалисты компании. В сочетании с растущим спросом, по их мнению, эти факторы обуславливают сохранение в долгосрочной перспективе умеренного дефицита, стимулирующего цены на металл.

На данном этапе дополнительно известно, что участвовать в финансировании стратегически важного для страны проекта готов Внешэкономбанк. О конкретных объемах проектного финансирования со стороны ВЭБа говорить пока рано — технико-экономического обоснования еще нет. В прошлом году БГК подписала соглашение о сотрудничестве с Торгово-промышленным банком Китая ICBC.

Но, судя по готовности ВЭБа выделить компании внушительную сумму на предпроектные работы, финансовым агентом в привлечении дальнейшего финансирования для Удокана будет выступать именно Российский банк развития. Что, впрочем, и неудивительно: политическая и государственная мотивация в истории освоения месторождения Удокана исторически всегда доминировала над всеми остальными соображениями.

Диана Асонова,
«Интерфакс»,
специально для „Ъ“

«БОГАТЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ БОЛЬШЕ НЕТ»

По словам президента Русской медной компании Всеволода Левина, поскольку мировые запасы меди истощаются, чтобы выжить на рынке, нужно научиться работать по новым правилам.

— Какие сейчас тенденции прослеживаются в цветной металлургии? Что общего в России и остальных странах, какие различия существуют?

— Основная тенденция — это активная отработка месторождений с низким содержанием меди в руде. Еще 20 лет назад было интересно работать с рудами, содержание меди в которых составляло 2–3,5%. Но мировые запасы истощаются. Если посмотреть на крупнейшие проекты по освоению медных месторождений сегодня, то большинство из них характеризуются содержанием меди ниже 1%. Исторически сложилось, что Россия богата медно-никелевыми месторождениями, которые по сути уникальны: содержание меди в них в два-три раза выше, чем на богатейших месторождениях мира. В дальнейшем это преимущество перетекло в недостаток: мы не привыкли работать эффективно. Я говорю об отрасли в целом начиная со времен СССР. Но жизнь расставила все по своим местам: последние годы мы активно наворачиваем упущенное.

— Особенности в работе на бедных месторождениях?

— Прежде всего использование современных технологий и оборудования. Иначе заходить на такое месторождение просто не имеет смысла. Приходится перерабатывать объемы руды в разы больше, чем на более богатых месторождениях. А для эффективной отработки месторождений необходимы инновационные решения. Хороший стимул для дальнейшего развития компании. В этом году мы запускаем один из наших ключевых проектов — Михеевский ГОК. Одноименное месторождение, Михеевское, является крупнейшим в России — его эксплуатационные запасы составляют 400 млн тонн руды. Но содержание металлов в руде Михеевского месторождения невысокое — около 0,4%, причем с большим количеством окисленных руд.

Но богатых месторождений больше нет. Нужно научиться работать по новым правилам, если хочешь выжить на рынке, конечно. Что мы имеем? Низкое содержание меди в руде, непростые климатические условия. Это огромный стимул к

поиску и внедрению новейших технологий, к закупке суперсовременной техники. По сути, это толчок для дальнейшего развития.

Проект предусматривает строительство горно-обогатительного комбината — Михеевского ГОКа. Его задача — по второй половине 2013 года. Это проект федерального значения и самый крупный горно-обогатительный комбинат, который будет построен на территории всего постсоветского пространства «с нуля». В советское время комбинат подобной мощности был построен в Норильске. Сумма инвестиций со стороны РМК составляет \$650 млн.

Причем, когда мы приступили к реализации этого проекта, мы говорили, что объем руды, который будет перерабатываться на Михеевке и другом нашем месторождении, Томинском, больше, чем объем всей руды, который перерабатывается Монголией. Сейчас это сравнение уже будет некорректным. Монголия начала добычу на месторождении Эрдэнэт, значительно увеличив перерабатываемые объемы.

Конкуренция на рынке цветных металлов достаточно высокая. Именно поэтому в основе стратегии развития РМК — модернизация существующих производственных мощностей, привлечение на свои проекты современных технологий и инновационных разработок. И, конечно же, кадры, которые, как известно, решают все. Происходящие изменения затрагивают весь персонал группы. Наши специалисты стали больше ездить, смотреть, перенимать опыт мировых лидеров.

Проекты ГОК «Михеевский» и ГОК «Томинский» позволяют говорить, что сырьевой базой мы себя на ближайшие 25 лет обеспечили. Хотя останавливаться и отказываться от других месторождений, конечно, не собираемся. Наши производственные мощности растут, поэтому мы заинтересованы в их бесперебойном обеспечении сырьем.

— Иными словами, год от года условия добычи будут все жестче, а месторождения — все беднее.

— Попробуйте посмотреть на это с другой стороны. Люди стали ценить то, чем так щедро Земля. А раньше просто бросали за ненадобностью: вокруг ведь были более богатые месторождения... Такой разворот лично мне внушает оптимизм. Не было бы счастья, да несчастье помогло — русская поговорка права.

Записала Анна Дорофеева

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО МАСШТАБА

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ОБЩЕСТВО

№1 (01) весна 2012

ПЬЕДЕСТАЛ ПРОЕКТОВ ДЛЯ ЛЮДЕЙ. МЕТАЛЛУРГИЯ

Интервью с Ириной Седых, главой Фонда «ОМК-Участие»

БУДНИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

ЛУЧШИЕ В КСО

Новый журнал о социальных проектах промышленных предприятий и регионов России

О своих проектах для людей пишите по адресу pio@metalproject.su
«Промышленность и общество» — ваша информационная площадка

РЕКЛАМА

Премиальное общество

расклад

(Окончание. Начало на стр. 17)

Позже, впрочем, ситуация выправилась, и в преддверии размещения «квазиказначеек» оборот вырос относительно минимума на порядок.

ОАО «Полус Золото», первым из российских представителей горнодобывающего сектора заговорившее (причем громко и настойчиво) о соответствующих планах еще в 2009-м, до «большого Лондона» на момент подготовки номера к печати пока не добралось.

Компания Михаила Прохорова в 2011 году закрыла тинувшуюся на протяжении двух лет сделку по обратному поглощению своей «дочки» KazakhGold, в результате чего появилась объединенная джерсийская структура Polyus Gold International Ltd с торгуемыми на LSE депозитарными расписками. Однако до премиального листинга (и, соответственно, входной двери FTSE 100) крупнейшая золотодобывающая компания России не дошла. Камнем преткновения стало отсутствие разрешения правительственной комиссии по иностранным инвестициям на перевод контроля в российский ОАО с джерсийской PGIL на лондонскую оболочку Polyus Gold PLC.

Согласно законодательству предприятия с запасами золота масштаба «Полуса» относятся к стратегическим, и значимое участие в них иностранных юрлиц требует обязательного одобрения со стороны возглавляемой премьер-министром комиссии. Первое разрешение — на передачу контроля KazakhGold — было благополучно получено. А вот вторая уже, казалось бы, техническая транзакция по переводу собственности с джерсийского на британское юрлицо осенью 2011 года вдруг застопорилась.

На примере «Полуса» правительство решило формализовать правила вывода на зарубежные биржи холдинговых компаний, владеющих стратегическими активами в РФ. Ситуация оставалась в подвешенном состоянии на протяжении нескольких месяцев, и в итоге Polyus Gold отозвал свою заявку из комиссии (которая в следующий раз будет собрана уже новым председателем правительства).

В отличие от «Полиметалла», исторически отличавшегося внушительным по меркам отечественного горнодобывающего сектора free float, для «Полуса» переезд в Лондон с точки зрения премиального листинга имеет принципиальное значение. «Прописка» на основной территории Вели-

кобритании позволяет компании претендовать на него с free float на уровне 25%, тогда как для резидентов других юрисдикций (включая Джерси) этот порог в два раза выше. «Лондонский» Evraz в конце прошлого года смог получить допуск в премиальный сегмент при free float порядка 24%, джерсийскому Polymetal пришлось разместить пакет 13% для достижения 50-процентной доли акций в свободном обращении. PGIL накануне майских праздников продала институциональным инвесторам 7,5% квазиказначейских акций, доведя free float до 22%, и заявила о намерении подать заявку на допуск в премиум-сегмент.

Все компании, так или иначе замеченные в интересе к переезду в Лондон, объединяет то, что среди их ключевых акционеров присутствуют не только стратеги, но и как минимум один крупный финансовый инвестор. В частности, крупнейший бенефициар Evraz Роман Абрамович, в число акционеров «Полиметалла» входят PPF Group Петра Келлнера и Александр Мамут, мажоритарием «Полуса» является Сулейман Керимов, кстати, владеющий Уралкалем, представители которого еще прошлой осенью также заговорили о переезде в Лондон.

Диана Асонова,
«Интерфакс», специально для „Ъ“